

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270

EDN: PNMZSE

УДК 821.411.21

Научная статья / Research article

Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты

В.Н. Зарытовская , А.М. Аль-Рахби

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

 widaad@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено особенностям развития арабского исторического романа, последовательной трансформации и «размыванию» его канонов в рамках литературных течений XX и XXI вв. Актуальность темы, с одной стороны, обусловлена тем, что исторический роман в арабской национальной литературе не утратил свою значимость. Доля произведений этого жанра по-прежнему высока, они занимают первые строчки при распределении литературных премий. С другой стороны, на фоне общего процесса глобализации интересно проследить траекторию развития жанра в так называемой догоняющей общемировые тенденции литературе, к которой многие исследователи причисляют литературу арабскую. Отдельные произведения жанра попадали в фокус как арабских, западных, так и отечественных востоковедов-литературоведов, и подвергались глубокому всестороннему рассмотрению. Однако сегодня анализа требуют романы последних десятилетий. Цель исследования – не просто обозначить получившие широкое признание за последние годы работы арабских авторов, но вписать их в парадигму развития исторического жанра и тем самым определить его направление на ближайшее время. Для этого сравнены классические исторические романы с современными, охарактеризованы их герои, описаны периоды истории Арабского мира, к которым обращались и обращаются арабские авторы в рамках жанра, определены степень эпичности, исторической достоверности в современных образцах жанра. Установлено, что классические герои со стандартным набором героических качеств, влияющие на ход истории, заменяются на мыслителей, ученых, дервишей, обывателей-наблюдателей, а переломные эпохи и конкретные исторические события сменяются пограничными периодами – до либо после катастрофы, коренных преобразований. Сделаны выводы об историчности арабской литературы еще в доисламскую эпоху, длительном сохранении канонов Раннего Средневековья в жанре, резкой трансформации жанра и отхода от канонов под влиянием постмодернизма и совпавшими по времени с его проникновением на арабскую почву военными и социальными потрясениями в истории арабских стран середины 1960-гг. Подчеркивается ярко выраженная сегодня направленность жанра в сторону этнолитературы.

Ключевые слова: исторический роман, арабская литература, жанр, герой, эпичность, этнолитература

© Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 февраля 2023 г.; отрецензирована 12 апреля 2023 г.; принята к публикации 14 апреля 2023 г.

Для цитирования: Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 256–270. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270>

The evolution of Arabic historical literature and its current trends: canons and invariants

Victoria N. Zarytovskaya , Ahmed M. Al-Rahbi

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
 widaad@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the peculiarities of the development of the Arabic historical novel, the consistent transformation and “erosion” of its canons within the framework of the literary trends of the 20th and 21st centuries. The relevance of the topic, on the one hand, is due to the fact that the historical novel has not lost its significance in Arabic national literature. The share of works of this genre is still high, they occupy the first lines in the distribution of literary prizes. On the other hand, against the background of the general process of globalization, it is interesting to trace the trajectory of the development of the genre in the so-called “lagging” literature, to which many researchers rank Arabic literature. Some works of the genre fell into the focus of both Arabic, Western, as well as domestic orientalist-literary critics and were subjected to deep comprehensive consideration. Today, however, the novels of recent decades also require analysis. The purpose of the study was not just to identify the works of Arab authors that have received wide recognition in recent years, but to fit them into the paradigm of the development of the historical genre and thereby determine its direction in the near future. To do this, the authors tried to compare classical historical novels with modern ones, characterizing their heroes, describing the periods in the history of the Arab world that Arab authors addressed and continue to address within the genre, determining the degree of epic, historical authenticity, etc., in modern examples of the genre. It was found out, that classical heroes with a standard set of heroic qualities that influence the course of history are replaced by thinkers, scientists, derishes, ordinary observers, and critical epochs and specific historical events are replaced by troubles periods – before or after a catastrophe, major transformations. Conclusions were drawn about the historicity of Arabic literature back in the pre-Islamic era, the long-term preservation of the canons of the Early Middle Ages in the genre, the sharp transformation of the genre and the refusal from the canons under the influence of postmodernism that penetration into Arabic soil in the mid 1960s coincided with the military and social upheavals of the history of Arabs. The direction of the genre, which is pronounced today towards ethno-literature, is emphasized.

Keywords: historical novel, Arabic literature, genre, hero, epic, ethno-literature

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 7, 2022; revised April 12, 2023; accepted April 14, 2023.

For citation: Zarytovskaya, V.N., & Al-Rahbi, A.M. (2023). The evolution of Arabic historical literature and its current trends: Canons and invariants. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 256–270. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270>

Введение

Русский критик и публицист гоголевского периода В.Г. Белинский, прибегая к такому простому способу деления классы на подклассы, как дихотомия, указывал, что существует роман о современности (социальный, призванный дать анализ современного общества), и роман исторический¹. Такой подход стал настолько же классическим, насколько был широким. Это позволило исследователям, которые позднее развивали данное определение, вносить дополнения, как, например, условие, что герои исторического произведения принимают непосредственное участие в описываемых исторических событиях, «вершат судьбы», а также то условие, что исторический роман – это роман о «делах давно минувших дней». Так, А.Н. Копылов пишет: «Безусловно, основополагающими принципами исторического романа является наличие описания в нем какой-либо исторической эпохи, к настоящему времени уже завершившейся, событий, в эту эпоху происходящих, а также лиц, принимающих активное участие в этих событиях» (Копылов, 2011, с. 72). В дальнейшем помимо требования о том, что события должны относиться ко времени, отдаленному не менее, чем на три поколения, добавилось еще одно уточнение: действующими лицами должны выступать известные персоны, а не простые обыватели. Если это условие не соблюдено, «не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент» (Жачемукова, Бешукова, 2011), то появляется основание классифицировать произведение иначе – как роман об историческом прошлом, но не как исторический роман.

Поскольку литературоведы проводят мысль о том, что канонического определения исторической художественной прозы нет (Жачемукова, Бешукова, 2011), а классическая, бесспорная и признаваемая дефиниция «исторический роман» широка, то неизбежно инвариантное понимание жанра, оставляющее много вопросов о его границах. Болгарская исследовательница исторической литературы, востоковед Баян Райханова называет теорию исторического жанра «наболевшим, горячо дискутируемым вопросом» (Rayhanova, 2004, p. 71). Так, в отличие от научной литературы по истории историческая литературная проза, обращаясь к тому же событию, воспроизводит эпоху в художественной форме, где исторический факт сочетается с вымыслом, а реальные исторические лица смешиваются с лицами вымышленными. Насколько же свободен автор в своей фантазии? Если согласиться, что вымысел ограничен тем, что «допустимо использовать художественные приемы усиления, но не допускается искажение действительности» (Жачемукова, Бешукова, 2011), то следует исключить из жанра те произведения, где представлена альтернативная история (из серии «что, если бы этого не произошло»). А это существенный пласт, например, в русской литературе – «Ада» В. Набокова, «Остров Крым» В. Аксенова, «Сердце Пармы» А. Ива-

---

¹ Фридендер Г.М. Белинский о проблемах романа. URL: <https://lit.wikireading.ru/44450> (дата обращения: 20.12.2022).

нова и другие, а также в арабской – роман из пяти частей «Города из соли» (tudun 'al-milh, 1984–1989) саудовского писателя Абдель Рахмана Мунифа, «Яктыния – старый мир» (yaqtyniyya 'al-aalam 'al-qadiim, 2015) саудовского романиста Ясера Бахджата, «2084» (2015) получившего широкую известность алжирского автора Васини аль-Аараджа и др. В этом случае подобные произведения зачисляются в жанр фэнтези, хотя фантастический элемент в них лишь один – реальная история пошла по другому пути. Также следовало бы исключить произведения, предлагающие свои решения исторических загадок, как, например, местонахождение библиотеки Ивана Грозного, поскольку они не могут быть верифицированы ни как искажающие действительность, ни как ее правдиво отражающие.

Ряд теоретиков усматривали в качестве обязательной составляющей исторического романа идейность, которая заключается «во вскрытии противоречий той или иной эпохи, политической близости к современности» (Орлов, 1960, с. 428–429), при этом они исходили из того, что главный герой должен быть показан порождением своей эпохи. Данное положение в свою очередь выносит за рамки жанра те произведения, где на фоне исторических событий разыгрывается основной авантюрный или любовный сюжет, а идейная составляющая слаба (например, романы А. Дюма).

И другие вопросы остаются спорными. Насколько имеет право автор интерпретировать исторические события и характеры, чтобы оставаться в рамках жанра исторического романа? Почему роман не будет признан историческим, если, при соблюдении всех прочих признаков жанра, его события отстоят от нас на 30 лет, а не на 75? Будет ли соблюден жанр, если главный герой романа – фигура, не занимавшаяся политикой и не облеченная властью, например известный ученый или никому не известный художник?

На наш взгляд, со второй половины XX в. вследствие смены художественных парадигм историческая проза уже не развивается в жестких рамках, установленных когда-то классическим романом. Актуально рассматривать историческую художественную литературу в инвариантах, опираясь на такие ее структуры, как относительная, но не строгая, отдаленность описываемого периода и его «переломность», известность главного действующего лица в качестве личности цивилизационной важности, но не обязательно исторического деятеля, степень политизированности самого произведения, выраженности идейной позиции автора, которая может быть и не принципиальна, поскольку также допустимо существование искусства ради искусства. Именно по этим осям историческая литература может отклоняться в ту или иную сторону и приобретать особенности, характерные для какого-то периода, региона, художественного течения, метода либо автора. Подобные допущения стали приемлемы в экспериментальной литературе, литературах модерна, постмодерна и следующих за ними новейших складывающихся сегодня художественных методах, которые, несомненно, отходят от линии классического романа, в том числе исторического. Эта тенденция ярко проявляется в различных национальных литературах и в исследуемой нами арабской литературе, которая до XX в., по выражению отечественного востоковеда-литературоведа В.Н. Кирпиченко, принадлежала «к числу литератур, „задер-

жавшихся“ на средневековой стадии развития» (Кирпиченко, 2003, с. 3), но затем получивших ускоренное развитие и реализовавших на сегодня самые разные инварианты исторического жанра, который всегда занимал в арабской национальной литературе важное место.

Обсуждение

Ранние формы исторического жанра в арабской литературе

По убеждению британской писательницы и критика Хилари Мантел (р. 1952), дважды получившей Букеровскую премию (в 2009 и 2012 гг.), а также премию Вальтера Скотта, которая девять лет прожила в странах Африки и Ближнего Востока, история помогает нам «поместить наши короткие жизни в контекст»², то есть придать им смысл, что объясняет как писательский, так и читательский интерес к этому роду литературы. Можно предположить, что историческая литература в широком ключе как попытка художественными средствами зафиксировать для потомков важные события, запечатлеть героическое, оплакать утраченное и осмыслить себя, описать общество, к которому принадлежишь, появилась вместе с историческим и философским мышлением вообще, по крайней мере «зерно» исторического жанра литературы должно было быть «посеяно» именно тогда.

В самых ранних из дошедших до нас памятниках доисламской арабской литературы VI–VII вв. поэты декламировали историю своего клана, восхваляли героев, оплакивали умерших и поносили противников. Так возникли традиционные жанры средневековой арабской поэзии – *заплачки* ('ar-ritha'), *похвалы* (fakhr), *высмеивания* ('al-hijaa'), *мести* (tha'ar) и прочих (Dayf, 1960, p. 190), которые представляли собой эмоциональный ответ в художественной форме на конкретные события или историю в целом того или иного рода. Наиболее выдающийся, по единодушному мнению критиков, поэт арабской древности Имруулькайс в стихах оставил историю убийства своего отца, вождя племен Неджда, попытки мести за него, собственного поражения, обращения за поддержкой к византийскому императору и изгнания (Dayf, 1960, pp. 236–243). Что это, как не осмысленная в филигранной поэтической форме история, то есть уже историческая литература, причем от первого лица?

Предателем судьбу я называл не зря, –
Повсюду рыскает, лишь подлости творя.
Она разрушила и царство Зу-Рияша,
Владенья йеменского славного царя.
Она безжалостно людей к востоку гонит,
Все хочет истребить – и земли и моря,
Воздвигла груды гор пред Гогой и Магогой,
Чтоб к свету путь закрыть, когда взойдет заря
(пер. с арабского Н. Стефановича)³.

² Kass L. Why we read historical fiction. URL: <https://www.gramercybooksbexley.com/blog/why-we-read-historical-fiction> (accessed 21.12.2022).

³ Имруулькайс. Предателем судьбу я называл не зря // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Арабская поэзия Средних веков. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st006.shtml> (дата обращения: 07.01.2023).

В бедуинской и позже придворной среде Халифата (с VII по XIII в.) имели хождение сказания о ключевых событиях истории арабов. «Часть арабских исторических преданий доисламского времени вошла в позднейшее собрание «Дни арабов», содержащее рассказы о многолетних войнах и памятных сражениях между бедуинскими племенами, набегах и угонах скота. Эти предания передавались из поколения в поколение, позднее арабские филологи собрали их в особые сборники», включающие также «многочисленные лирические отступления, чаще всего в форме стихов, произносимых воинами-поэтами – участниками рисуемых событий», которые «эмоционально окрашивают сухое, почти деловое повествование»⁴, а значит, придают литературный характер произведению, выводя его за рамки историографии и примитивной датировки событий.

С приходом ислама возникла идеологически обоснованная необходимость в фиксации и подаче под определенным углом зрения истории Арабского Халифата и его выдающихся личностей. Складываются многочисленные сиры (от *сир* – «жизненный путь»): «Жизнеописание Муавии и потомков рода Омейядов» (*siirat mu'aawiyah wabanii 'umayyah*), «Жизнеописание Ибн Исхака» (*siirat 'ibn 'ishaaq*) – арабского историка, составителя первой биографии Пророка Мухаммеда, и др. С упадком некогда сильного централизованного государства, каким с VII по XII в. был Халифат, сначала – Омейядский, затем Аббасидский, и позже с вхождением большей части Арабского мира в границы Османской империи и, соответственно, в «котел» ее культуры на арабском, который на тот период перестал быть государственным языком, на протяжении ряда столетий формировались, дополнялись и перерабатывались переписчиками и чтецами-рассказчиками многочисленные жизнеописания, но в них добавлялся развлекательный элемент, сближающий жанр с беллетристикой, как, например, «Жизнеописание аз-Захира Байбарса» (*siirat 'adh-dhaahir baybars*), излагающее историю реально существовавшего мамлюкского султана Байбарса I (1260–1277) (переведен на русский в 1975 г.) и др. При этом, по мнению российского востоковеда Е.А. Крымского, в этот длительный исторический период (с XIII по XVIII в.) высокую классическую арабскую литературу затронуло «оскудение» и «качественное иссякание» (Кирпиченко, 2003, с. 3).

Отметим также, что для арабской средневековой словесной культуры нормой был синкретизм, который выражался и в том, что даже ценное научное произведение, как, например, лоции Ахмеда бен Маджида (XV в.), арабского проводника Васко да Гаммы по Индийскому океану, считалось достойным изложить в стихотворной, то есть высокой форме, с помощью рифмы и мелодики создав одновременно и научный труд, и текст, имеющий сам по себе словесную ценность, помимо ценности интеллектуальной. Поэтому вполне закономерно, что исторический жанр литературы зародился и развивался у арабов именно в поэтической форме, именно она стала доминирующей для классической, в периодизации арабов, арабской литературы (Harb, 2020).

⁴ Филъштинский И.М. Словесное искусство древних арабов (VI – середина VII в.). URL: <https://nurrb.wordpress.com/2010/11/28/slovesnoe-iskusstvo-drevnikh-arabov-vi-seredina-vii-v-filshhtinskij-i-m/> (дата обращения: 22.06.2022).

Очевидно, что истоки литературы исторического жанра уходят в глубины веков, и арабская литература не является в этом исключением, скорее убедительным тому подтверждением. Различное слияние словесного творчества и истории мы находим во многих жанрах доисламской поэзии, арабском эпосе, а также сирах Средневековья, средневековой развлекательной литературе – формах, определенных как религиозно-культурными традициями арабов, так и богатой историей Арабского мира. Особенности этих произведений как раннего исторического жанра заключаются в том, что они в основном бытуют в стихотворной, то есть высокой для средневекового мышления форме, повествуют не только об отдаленных, но и о тех событиях, которым автор был живым свидетелем, может быть, даже участником, а основное идейное начало в них – отстаивание чести своего клана и фиксация его истории, позже, когда на смену клану приходит понятие мусульманской общины уммы – изложение истории ислама в лицах. Поскольку доисламский период признан «золотым веком» арабской литературы, а лучшие произведения этого периода – шедеврами мировой литературы, как *муаллакат* (сборник вывешенных в свое время на священной Каабе стихов), то именно эти образцы зарождающегося исторического жанра стали эталоном для подражания в плане формы (композиционное построение, ставшие традиционными метафоры и т. д.) и вдохновением в плане содержания (морально-нравственные стержни бедуинской культуры, как гостеприимство, приоритет рода перед личным и др.) для арабской литературы на столетия вперед.

В том, что касается исторического романа как крупной прозаической формы в его европейском понимании, то он появляется только в Новой арабской литературе к XX в. И символично начинает «с той же позиции», с которой классическая арабская литература ушла в позднем Средневековье в упадок – канонические романы о правителях Халифата, но получает стремительное развитие, являя множество новаторских идей.

Художественная парадигма арабской исторической прозы XX в.

В XX в. арабская литература и историческая проза как ее часть под влиянием ряда факторов (развал Османской империи, в которую входила большая часть Арабского мира не одно столетие, культурное сближение с Европой, запущенное спустя несколько десятилетий после кампании Наполеона (Саид, 2006, с. 67), возможность получить европейское образование, рост числа переводов с европейских языков и др.) начинает ускоренно, по сравнению с предыдущей эпохой, изменяться. Арабская словесность смещается от традиционного многовекового полюса с его строгими канонами в теме, сюжете, стилистических нормах и так далее в сторону актуальных на то время европейских тенденций. Складывается «принципиально новая система прозаических, поэтических и драматургических жанров, типологически совпадающая с жанровой системой современной литературы Запада. На первое место в этой системе выдвинулась проза, и именно роман» (Кирпиченко, 2003, с. 4).

Возникновение арабского исторического романа к началу XX в. тесно связано с национальным возрождением (ан-Нахда) – периодом культурных и просветительских реформ, особенно заметных в Сирии, Ливане и Египте.

Неслучайно литературоведы отмечают причинно-следственную связь между возникновением исторического романа и подъемом национальных движений в различных странах⁵, в том числе в Арабском мире, где «в той или иной степени этот процесс подразумевал, во-первых, встречу с Западом и его иной и более „продвинутой“ культурой, а во-вторых, ретроспективный взгляд в арабо-исламское прошлое» (Allen, 2001, p. 206). Официальным начинателем жанра в арабской литературе стал египетский писатель ливанского происхождения Джирджи Зейдан (1961–1914) (Арслы, 1967), автор порядка двадцати романов, составивших серию повествований из истории ислама в VII–XIII вв. («Ахмед бен Тулун» ('ahmed ben tuluun), «Салах ад-Дин аль-Айюби» (salaah 'ad-diin 'al-'ayyuubiy)), Египта мамелюков XVIII–XIX вв. и современных автору исторических событий («Османский переворот» ('al-inqyilaab 'al-'usmaaniyu, 1911). На русский язык переведены два его романа, действия которых разворачиваются в эпоху заката Аббасидского халифата – «Сестра Харуна ар-Рашида» ('al-'abbaasah 'ukht 'ar-rashiid, 1906; русский перевод 1970) и «Амин и Мамун» ('al-amiin wal-ma'amuun, 1907, русский перевод 1977). Это в классическом понимании исторические романы, как их принято называть, «вальтерскоттовские» (Жачемукова, Бешукова, 2011). Они линейно повествуют об исторических событиях и персонах, отстоящих от нас на поколения, в них важен сюжет, повороты событий, обязательна любовная линия, историческим лицам придаются определенные стереотипные черты характера, однако образы не столь глубоко разработаны, чтобы роман считался психологическим. Неслучайно творчество именно Джирджи Зейдана некоторые исследователи называют той точкой, с которой арабская литература влилась в мировую (Rastegar, 2019).

В творчестве Дж. Зейдана уже намечены три важнейшие исторические эпохи, нами упомянутые, которые находят отражение в арабской исторической литературе еще долгое время. В литературоведческом смысле они могут быть обозначены как хронотопы с определенным временем, местом действия и отношением потомков-авторов к происходившему. К первому из них примыкают, например, романы Тахи Хусейна (1889–1973), прозванного «старейшиной арабской литературы» – «Усман» ('uthmaan, 1947), «Великая смута. Али и сыновья» ('al-fitnah al-kubraa, 'alii wabanuuh, 1953), «Два шейха» (ash-shaykhaani, 1960) и другие, ко второму – роман египтянина Саада Маккави (1916–1985) «Лунатики» (saa'iriin piyaaman, 1963), который был выбран Союзом арабских писателей в качестве одного из 100 величайших арабских романов, «Кровь мамелюков» (dam al-mamaliik, 2016) египетского историка Валида Фикри (р. 1980), трилогия о мамелюках египетской писательницы, социолингвиста Рим Басьюни (р. 1973) «Дети людские» ('awlaad 'an-nas, 2018), получившая Медаль Нагиба Махфуза за 2019–2020 гг., и др. К третьей линии – «Сафарберлик» (safarberlik, 2019, лонглист Арабского Букера 2020) саудовца Макбуля аль-Алави (р. 1968) о мобилизации арабов Османской империей в 1914 г. и др.

⁵ Написание «Слова о полку Игореве» в XII веке – сильная гипотеза, а не установленный факт. Интервью с филологом Андреем Ранчиним. URL: <https://goriky.media/context/napisanie-slova-o-polku-igoreve-v-xii-veke-silnaya-gipoteza-a-ne-ustanovlennyj-fakt/> (дата обращения: 03.06.2022).

Среди имен пионеров арабской исторической прозы того времени также важно упомянуть другого ливанца, переехавшего в Египет, Фараха Антуна (1874–1922) и его роман «Новый Иерусалим» ('uurshaliim 'al-jadiidah, 1904), а также Али аль-Джарима, Мухаммеда Фарида Абу Хадида, Саида аль-Арьяна и, несомненно, сирийского автора Селима аль-Бустани, который еще в 70–80-е гг. XIX в. опубликовал три исторических романа, не ставших, однако, столь заметными, как книги Джирджи Зейдана.

Первую половину XX в. арабские писатели совершенствовали методы реализма и добились мирового признания в лице лауреата Нобелевской премии по литературе 1988 г. Нагиба Махфуза (1911–2006) – автора «Каирской трилогии» (1956–1957), которую российский востоковед В.Н. Кирпиченко сравнила с «Сагой о Форсайтах» английского нобелевского лауреата Дж. Голсуорси (Кирпиченко, 2003, 34). Трилогия, в которую вошли книги «Между двумя дворцами», «Дворец мечты» и «Сахарный дом» (baun' al-qasreun, qasr 'ash-shawq, 'as-sukkarīyuah), повествует о жизни консервативной семьи Ахмеда Абдель Гавада – деда, сына и внука – исламиста, коммуниста и циничного карьериста соответственно, события охватывают 1917–1944 гг.

Среди книг исторического жанра самым значительным произведением Н. Махфуза мы считаем позднее его произведение «Дети нашей улицы» ('awlaad haaritnaa, 1959, русский перевод 1992 г. как «Предания нашей улицы», второй перевод 2012 г.) – масштабный по замыслу роман, где в аллегорической форме интерпретирована история трех мировых религий. С одной стороны, исторические лица прямо в нем не названы, с другой – для читателя очевидно, кто из героев олицетворяет собой Пророка Мухаммеда, кто – Христа, повторяя их путь (Зарытовская, 2014).

Отдельной веткой арабской исторической прозы можно считать романы о Древнем Египте Абдель Хамида Годы аль-Саххара, Адила Кямиля и др. Неслучайно они появляются в конце 1930–1940-х гг. на волне идей фараонизма – идеологии, которая обращалась к доисламскому прошлому Египта и утверждала, что Египет историческая часть большой Средиземноморской культуры, при этом акцент делался на то, что современные египтяне прямые наследники египтян древних. К этой теме также обращался Нагиб Махфуз – романы «Игра судеб» ('abath al-'aqdaar, 1939), «Родобис» (raaduubiis, 1943), «Борьба Фив» (kifaah tyubah, 1944) и др.

В 1950–1960 гг. как под влиянием европейских модернистов, так и вследствие военных и социальных потрясений (Вторая мировая война, поражение Египта в Шестидневной войне 1967 г., идеологические преследования) в арабской литературе нарастает интерес к актуальной общественной проблематике. Парадигма национального возрождения (ан-Нахда) сменяется парадигмой национального поражения (ан-Накса). Авторы для его осмысления ищут новые методы, создавая новаторские с точки зрения формы тексты – хронологически непоследовательные, со вторым планом, с подтекстом описываемых событий, с автором-главным героем, от лица которого ведется рассказ и др. Что касается содержания, то пишутся психологичные тексты с героями, которым присуща интроспекция и др. Ведущими становятся прозаики, в творчестве которых жанр исторического романа деформируется

в своих канонах. Исторический роман не остается классическим, как у Дж. Зейдана, будучи даже формально на него похожим, как, например, «Аз-Зейни Баракят» ('az-zaunīi barakaat, 1972, русский перевод 1986) египетского писателя Гамалея аль-Гитани (1945–2015), принесший ему известность. Роман написан в стиле палимпсеста: события египетской истории начала XVI в. проецируются на события второй половины XX в.

Не менее ярким можно считать творчество египтянина Саналлаха Ибрагима (р. 1938), окончившего режиссерский факультет ВГИКа в Москве. Этот автор, безусловно, пытался нащупать пульс актуальной истории, для чего использовал в художественном полотне вставки из газетных статей, социологические и экономические данные и новостные сводки, придавая таким образом своим текстам документальное измерение, как в самом известном его романе «Комитет» ('al-lajnah, 1981, русский перевод Т.И. Оболенской и Д.В. Фролова):

Встреча с реальностью в самом начале поисков изумила и заставила пересмотреть первоначальный план. Странно, но о таком незаурядном человеке вообще не было написано ни одной книги. Что это – непонимание его масштабности и выжидание смерти, после которой гораздо легче описать жизненный путь и дать ему подходящую оценку?

Как бы то ни было, я почувствовал себя открывателем интереснейшей темы.

Начну с интервью (Тахер, 2010, с. 299).

Его перу принадлежит роман-обзор «Бейрут, Бейрут» (baḡruut, baḡruut, 1994) о гражданской войне в Ливане в 70–80 гг. XX в., роман-хроника «1970» (2019), где зафиксирован каждый день в истории Египта с 1 января 1970 г. до 29 сентября того же года – дня смерти президента Гамалея Абдель Нассера, роман «Варда» (warda, 2000) о гражданском сопротивлении в оманском Дофаре в 60-е гг. прошлого века и др.

Необходимо также отметить, что в отдельных странах, как Оман, именно жанр исторического романа «прокладывал путь» прозе большого формата, пионером которой в этой стране был Абдулла бен Мухаммед ат-Таи (1924–1973) с его главными произведениями «Ангелы Джабаль аль-Ахдар» (malaa'ikatu 'al-jabal 'al-'akhdar, 1963) и «Большой парус» ('as-shiraa' 'al-kabiir, 1971), посвященными ключевым событиям в истории этой страны – объединению государства, ранее разделенного на имамат и султанат и борьбе с португальскими захватчиками в XVI–XVII вв.

Таким образом, за XX в. арабский исторический роман ускоренно проходит путь от незрелого классицизма к его высоким эталонам и их «сотрясению». Ко второй половине столетия сменяется система художественности, арабская литература разворачивается к актуальной проблематике, преобладающим становится роман, современником и свидетелем событий которого является автор, меняется сам статус автора.

Исторический жанр не остается в прежних границах, это уже не просто роман, а роман со спецификой – роман-аллегория, роман-палимпсест, роман-обзор, документальный роман и т. д. Историческая проза на арабском за XX в. последовательно бытовала в сменяющих друг друга художественных тече-

ниях, предполагающих различную эстетику и методы (романтизм, классицизм, затем модернизм и постмодернизм), что привело к размытости самих стандартов исторической литературы, ее экспериментальности и инвариантности, но при этом исторический жанр уже окончательно остается в прозе большого формата.

Современные тенденции исторической прозы арабских стран

Большая часть той современной исторической прозы, которая сегодня, на первый взгляд, продолжает линию классического романа, вместе с тем имеет существенные от него отличия. Принципиально не отказываясь от реалистического метода, арабские авторы, вероятно, улавливая глобальные изменения и духовные сдвиги, происходящие в мире, сегодня обращаются к тем историческим отрезкам, к которым пионеры жанра и их предшественники обращались редко. Это те эпохи, которые можно обозначить как смутное время для Арабского мира либо для отдельной его страны – первые века христианства, десятилетие до «открытия» Египта арабами, период упадка Аббасидского Халифата, Реконкиста в Испании, канун французской колонизации Алжира и др. Основное внимание уделяется эпохе – реконструируется ее атмосфера, события истории остаются на заднем фоне, на первый план выводятся не государственные деятели – халифы и их наследники, полководцы, султаны и визири, а интеллектуальная элита и духовные подвижники того времени, выдающиеся ученые-естественники, богословы либо простые люди в духовном поиске. Часто это те, о ком достоверно известно, за исключением ключевых фактов, недостаточно для создания многогранного художественного образа. И тем сложнее задача автора. Так, саудовский автор, историк по специальности Мухаммед Хасан Альван (р. 1979) считает историю источником вдохновения, а не материалом, и сравнивает писателя-фантаста, который не скован законами физики и других естественных наук в своем словесном творчестве, с прозаиком исторического жанра⁶.

Таковы романы египетского писателя и ученого, основателя Центра рукописей при Александрийской библиотеке Юсуфа Зейдана (р. 1958) – «Азазель» ('azaaziil, победитель Арабского Букера 2009, русский перевод П. Гулькина и М. аль-Гибали), главный герой которого – монах первых веков нашего тысячелетия, «периода, характеризующегося применением физического насилия против нехристиан для обращения их в христианство» (Abu Baker, 2015); «Фардакан: заточение великого шейха» (fardaqaan: 'i'atiqaal 'ashaykh 'ar-ra'iis, в коротком списке Арабского Букера 2020), который знакомит нас с личностью Ибн Сины (Авиценны, 980–1037), удерживаемого в силу политических интриг на фоне междоусобицы в одноименной крепости, и принципами его медицины, связывающими здоровье тела с состоянием духа; «Набатеец» ('an-nabatiyyu, 2009), героиня которого христианка-коптка, накануне прихода ислама в Египет выданная замуж на набатейца, познает духовную культуру этого семитского народа. «События в нем разворачива-

⁶ Between present and past: an interview with Mohammed Hasan Alwan // Words Without Borders. 2017, October 25. URL: <https://wordswithoutborders.org/read/article/2017-10/an-interview-with-mohammed-hasan-alwan-marcia-lynx-qualey/> (accessed: 23.12.2022).

ются... когда на Аравийском полуострове зарождается новая мировая религия – ислам. Этот период по-другому повернул ход мировой истории, когда возникло новое сильное государство-империя – Арабский халифат» (Аль-Гибали, 2015, с. 71). Также нельзя не отметить, что в большом числе перечисленных романов реальная история переплетается с авторским вымыслом, и роль последнего только усиливается в современной арабской литературе (Sayd, 2017; Аууoub, 2021).

Таковы роман упомянутого выше Мухаммеда Хасана Альвана «Маленькая смерть» (maut saghiir, победитель Арабского Букера 2017) о духовном восхождении суфийского философа начала XIII в. Ибн Араби; роман алжирца Абдель Ваххаба Исауи (р. 1985) «Канцелярия Спарты» ('ad-diiwaan 'al-'isbaartiyyu, победитель Арабского Букера 2020) о настроениях жителей прибрежного алжирского города Константины в 30-х гг. XVIII в., который покидают османские чиновники, в то время как на его землю ступают первые французские солдаты; роман, в основе которого лежит легенда, тунисского писателя Мухаммеда Иссы аль-Муаддаба (р. 1966) «Хаммам с золотом» (hamaam 'ath-thahab, в лонглисте Арабского Букера 2020) о судьбах тунисских евреев во время Второй мировой войны; «Трилогия Гранады» (thu-laathiyyat granata, лучшая книга Международной книжной ярмарки в Каире 1994 г.) египетской писательницы Радвы Ашур (1946–2014), где описывается жизнь арабов после Реконкисты; книга египетской писательницы Раши Адли (р. 1976) о столкновении эпох и культур Запада и Востока «Последние дни паши» ('aakharu 'aууaam 'al-baashaa, длинный список Арабского Букера 2020), главный герой слуга Хасан, приставленный к подарку Мухамеда Али королю Франции – живому жирафу, вместе с которым он отправлен в Европу, и др.

Заметным событием последних лет в мировой литературе стало награждение оманской писательницы Джохи аль-Харти (р. 1978) The MAN Booker Prize 2019 за роман «Небесные тела» (sayyidaat 'al-qamr, русский перевод 2020 г.). Ее книга, написанная в технике переплетения потоков сознания и состоящая из большого числа 1–2-страничных глав-голосов, являет нам на фоне социальных, а вместе с ними и нравственных преобразований историю Омана XX в. (голод в Первую мировую войну, отмену рабовладения, нелегальную торговлю оружием в Персидском заливе, сопротивление в Дофаре в 1960-х гг. и др.). Роман также наполнен, кроме исторических событий, этническими элементами – стереотипами, рецептами, традициями, описанием обрядов, заклинаниями, языческими верованиями (Власова, 2021) и демонстрирует таким образом национальную идентичность и национальную специфичность. Для передачи своеобразия национального бытия народа и особенностей народного характера в текст вводятся локально окрашенные имена собственные, топонимы, бытовая лексика, например названия фиников на разной стадии их созревания и т. п.

Что такое эти свадьбы? Обносишь гостей закусками и напитками, да и только. Танцуют, поют, сплетничают. Настоящее удовольствие не на свадьбах, а на обрядах зара! После трапезы под яростные удары барабана она будто хмелела и ощущала такой прилив сил, что могла пройти по го-

рящим углям или начать кататься по земле во время безумных плясок. Мать ее – да помилует Аллах ее душу! – была Большой Мамой – главной строительницей и главным действующим лицом и разговаривала с джиннами, которые вселялись в участников обряда, корчащихся на углях. Зарифе было все равно, что Сулейман прикажет высечь ее, если она пропадет на два-три дня (Аль-Харти, 2020, с. 193–194).

Другая современная оманская писательница – Бушра Хальфан (р. 1969), чей исторический роман «Дильшад» (dilshaad, 2021) дошел в 2022 г. до финала Арабского Букера, также говорит о том, что ее «вдохновляет фольклор, который еще не нашел отражения в литературе»⁷.

Таким образом, мы наблюдаем, как жанр исторического романа в арабской литературе в настоящее время смещает фокус с исторического переломного события и с исторического лица и героя в полном смысле этого слова, отважного, с действенным характером, на эпоху с характерной этнической культурой. По-видимому, это мировая тенденция, которая отражается в еще не устоявшемся термине «этнолитература» и воспринимается критиками, «во-первых, как адекватный ответ на вызовы глобализации, а во-вторых, как средство пополнить иссякающие ресурсы сюжетной, образной и собственно языковой занимательности»⁸.

Современными арабскими писателями эпоха выбирается пограничная, «сумеречная» – не период расцвета и силы, не точка самой исторической катастрофы, наполненной событиями, как смена власти, великие битвы и тому подобное, а канун упадка, порог важных перемен либо время сразу после ключевых дат истории, чаще трагичных. А трагедия, которая изображается, преодолевается в романе философом, ученым, носителями национальной культуры и народных традиций, непосредственно не влияющими на ход истории. История мыслится, скорее, не как череда набегов, переворотов, формаций, а как духовная история народа.

Заключение

Историчность, тесно связанная с племенной культурой, мировоззрением и образом жизни бедуинов, была присуща самым ранним из дошедших до нас памятникам арабской литературы. Закономерно, что исторический жанр зарождался и развивался у арабов именно в поэтической форме. Литература того периода считается «золотым веком» арабской национальной литературы, а следовательно, оказывает на современную арабскую культуру опосредованное влияние по сей день не только в художественных формах, но и в содержательном отношении, что в том числе проявляется в постулировании важности исторического жанра и постоянном к нему обращении арабских авторов.

⁷ Alhinai M., Alhinai S. How Oman's history inspires its novelists. Middle East Institute, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/how-omans-history-inspires-its-novelists> (accessed: 28.11.2022).

⁸ Чуприн С. Этнолитература. 2014. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ч/chuprinin-sergej/russkaya-literatura-segodnya-zhiznj-po-ponyatiyam/315> (дата обращения: 13.01.2023).

В Позднее Средневековье исторический жанр, как и вся арабская национальная литература, переживал упадок, но не исчез, а трансформировалась в те литературные формы, которые принято называть «низкими», став поистине народной литературой.

С подъемом национального движения и просветительской деятельностью конца XIX – начала XX в. в рамках романтизма и реализма появляется арабский исторический роман в классическом понимании его европейской литературной критикой. К середине XX в. арабские писатели-реалисты добиваются мирового признания, в том числе за представленные ими исторические романы.

Вследствие потрясений, постигших Арабский мир в 1960-х гг., а также восприятия постмодернистского течения в жанре исторического романа стали использоваться новаторские приемы, жанр перестал существовать в прежних границах, он заметно разнообразился, сменив парадигму, система ценностей которой стала направлена на настоящее.

Сегодня место и роль исторического романа в арабской литературе и культуре по-прежнему велики. Произведения жанра стабильно входят в списки лауреатов различных общеарабских конкурсов и премий, два из упомянутых нами – «Каирская трилогия» и «Небесные тела» – единственные две книги на арабском языке, получившие высшее международное, а не региональное, панарабское признание.

Вместе с тем современная арабская литература, которая долгое время сохраняла самобытность, а затем стремилась соответствовать европейскому роману, демонстрирует в рамках исторической ниши заметную трансформацию жанра и отход от тех канонов, которые казались незыблемыми в рамках жанра все предшествующее столетие, как героизм действующего лица, его историческая и политическая значимость, событийность, линейность и др. В том числе это коснулось выбора исторических отрезков, к которым чаще всего обращаются современные авторы. Преобладающими стали те исторические периоды, которые мы называли «пограничными» и к отбору которых ранее писатели прибегали редко. Также дезактуализировалась современность как материал арабского исторического романа. Тематика арабской исторической прозы как бы совершила виток: прошлое – настоящее – и обратно прошлое, но уже иное.

Кроме того, арабский исторический роман «не стоит в стороне» от актуальных процессов в литературе. Арабские писатели исторического жанра смело экспериментируют. Именно на почве исторического жанра в арабских странах развивается сегодня новая арабская этнолитература.

Список литературы

- Аль-Гибали М.* История другой жизни // Азия и Африка сегодня. 2015. № 2. С. 71–72.
Аль-Харти Дж. Небесные тела. М.: ЭКСМО, 2020. 256 с.
Арслы Э.Г. Джирджи Зейдан и арабский исторический роман. М.: Наука, 1967. 80 с.
Власова Ю.Е. Обычай и традиции Султаната Оман и их отражение в романе Джохи аль-Харти «Небесные тела» // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 27–37.

- Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б.* Художественная особенность романа исторического жанра // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 1–6.
- Зарытовская В.Н.* Запрещенный роман Н. Махфуза «Дети нашей улицы» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 65–69.
- Кирпиченко В.Н.* Новая и современная литература Египта (XIX–XX вв.). М.: ИВ РАН, 2003. 88 с.
- Копылов А.Н.* Истоки и специфика жанра исторического романа // Современные гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 71–76.
- Орлов С.А.* Исторический роман Вальтера Скотта. Горький: Горьковский государственный университет, 1960. 484 с.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Тахер Б.* Любовь в изгнании // Комитет / С. Ибрагим. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 384 с.
- Abu Baker A.* The problematics of identity and identity erasure in Youssef Zeidan's Azazeel. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/350561069_Alternative_Histories_in_Youssef_Ziedan's_Azazeel_Historiographic_Metafiction_in_the_Contemporary_Arabic_Historical_Novel (accessed: 13.12.2022).
- Allen R.* Literary history and the Arabic novel // *World Literature Today*. 2001. Vol. 75. No. 2. Pp. 205–213. <https://doi.org/10.2307/40156519>
- Ayyoub H.* Alternative histories in Youssef Ziedan's Azazeel: historiographic metafiction in the contemporary Arabic historical novel // *Journal of the Faculty of Philology, Cairo University*. 2021. (In Arab.) <https://10.21608/jarts.2021.68428.1119>
- Dayf Sh.* Era of Jahiliyya. Cairo: Al-Maarif, 1960. 434 p. (In Arab.)
- Harb L.* Arabic literary theory // *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190201098.013.989>
- Rastegar K.* Jurji Zaydan: Avatar of the modern revitalization and worlding of Arabic literature // *Wiley Online Library*. 2019. <https://doi.org/10.1002/9781118635193.ctwl0175>
- Rayhanova B.* The past and present in the modern Arabic novel // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 2004. No. 1. Pp. 71–84.
- Sayd A.* The historical imagination of Abdullah Ibrahim // *Journal of Prince Abdul Qadir University of Islamic Sciences*. 2017. (In Arab.) <https://doi.org/10.37138/emirj.v31i1.1673>

Сведения об авторах:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-9910-7913. E-mail: widaad@yandex.ru

Аль-Рахби Ахмед Мохаммед, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-4010-1634. E-mail: al-rakhbi-a@rudn.ru